

ВАЛЕРИЙ РОЩИН



СОЛНЕЧНЫЙ
ВЕТЕР

СИЛА ПРИТЯЖЕНИЯ
КОСМИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Сила притяжения. Космический боевик

Валерий Роцин
Солнечный ветер

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Рощин В. Г.

Солнечный ветер / В. Г. Рощин — «Эксмо», 2018 — (Сила притяжения. Космический боевик)

ISBN 978-5-04-097084-1

Открытый космос. Орбита Земли. У американского корабля «Джемини» большие проблемы. Беспорядочно вращаясь, он быстро сближается с советской орбитальной станцией. Столкновение неизбежно. Космонавт Сергеев, пилотирующий «Салют», включает маршевые двигатели и пытается увести связку на другую орбиту, но двигатели слабоваты – не успеет! И «Джемини» врежется в пристыкованный грузовик «Прогресс». Команда с Земли: сбросить «Прогресс»! Сергеев пытается, но грузовик словно прилип к станции. Американский астронавт, спасаясь от пожара на своем корабле, выходит в открытый космос. На сколько ему хватит кислорода в скафандре? На Земле в это время решают, спасать ли американца. Счет идет на секунды. И Сергеев принимает самостоятельное решение...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-097084-1

© Рощин В. Г., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Пролог	6
Глава первая	9
Глава вторая	19
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Валерий Георгиевич Роцин

Солнечный ветер

© Жмак В., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Пролог

Орбита Земли; борт космической станции «Салют-6» – борт космического корабля «Союз»

Октябрь 1977 года

– «Орлан», посмотрите внимательнее. Дистанция между кораблем и объектом менее пятисот метров. Его скорость немного выше, и он постепенно вас догоняет. Размеры объекта таковы, что не заметить его невозможно...

В голосе руководителя полетов слышались и тревога, и усталость. За последние шесть часов он уже четырежды предупреждал экипаж о странном объекте и никак не мог понять, почему космонавты его не видят.

– Ну?.. Теперь наблюдаете?

Переглянувшись с бортинженером Володей Байдуковым, командир экипажа Александр Сергеев вздохнул:

– Нет, «Заря», не наблюдаем. По указанным азимуту и удалению – чисто.

– Ничего не понимаю! Ерунда какая-то, – в сердцах сказал руководитель. – Но в любом случае, «Орланы», будьте предельно внимательны.

И умолк.

Явление действительно представлялось странным. Четырежды в опасной близости от советской станции с разными курсами и на различных скоростях пролетал неизвестный объект, который космонавты почему-то визуально не наблюдали. Ни самого объекта, ни следа от него, ни темного контура, ни отблесков в лучах то восходящего, то заходящего солнца. Мелких метеоритов и таких же мелких обломков космических кораблей наземные локационные станции обнаружить не могли. Значит, объект был достаточно крупным и в то же время невидимым. Это удивляло и вызывало обоснованные опасения.

Настораживало и поведение объекта. Он словно присматривался к станции и ее обитателям. Слово изучал и испытывал на прочность.

– Да черт бы с ней, с этой странностью, Саша, – мрачно изрек инженер, продолжая глазеть в иллюминатор. – Если бы не сопутствующие ей отказы.

Командир согласился:

– Это верно, Володя. Уж и не знаешь, чего ждать от следующего появления...

Долго и в этот раз ждать не пришлось. Секунд через сорок на одной из панелей центрального пульта управления станции сработала световая индикация отказа сразу двух систем: вентиляции и автоматической передачи информации с целевой научной аппаратуры.

Негромко выругавшись, Байдуков поплыл в сторону пульта для тестирования и устранения отказов.

Сергеев поправил микрофон гарнитуры и принялся передавать «Заре» об очередных «сюрпризах»...

* * *

Спустя полтора часа экипажу удалось справиться с отказами. Инженер долго копался в проблемном блоке системы шифрования и передачи информации, а командир занимался работой попроще – проверял параметры тока и включал «выбитые» автоматы защиты сети в модуле управления вентиляцией и обеспечения температурного режима.

– Справились, – удовлетворенно кивнул Володя Байдуков, закрепляя на специальном поясе плавающие рядом инструменты.

Сергеев вызвал ЦУП:

– «Заря», я – «Орлан». «Заря», как меня слышите?

– «Орлан», «Заря» на связи, – тотчас откликнулся руководитель. – Слышу вас отлично.

– Отказы устранили. Обе системы функционируют без сбоев.

– Молодцы. Устали?

– Есть немного.

– Тогда отдыхать, братцы. Судя по телеметрии, состояние у вас не очень.

Усталость и впрямь одолевала обоих. После суток нервотрепки с отказами ужасно хотелось спать. Но командир все же поинтересовался:

– «Заря», а что там с объектом?

– Исчез. Прошел траверз станции, ускорился и пропал с радаров. Так что отдыхайте, пока есть такая возможность.

– Поняли вас. До связи...

* * *

Встревоженный голос несколько минут пытался прорваться в сознание двух космонавтов. Те крепко спали. Перед отдыхом командир включил динамик радиостанции на полную громкость, но это не помогло – усталость срубила обоих.

– «Орланы», я «Заря»! «Орланы», ответьте «Заре»!.. – надрывался руководитель. – «Орланы», где вы там, черти?! Ответьте!

Наземные станции дальней радиолокации уже пятнадцать минут вели вновь появившееся неизвестное космическое тело. Ничего нового в его поведении операторы не выявили: взялось из ниоткуда, выполнило дугообразный маневр и стало медленно приближаться к станции. «Ну а если ничего нового нет, то жди отказов», – с тревогой думал руководитель полетов. И вновь вызывал экипаж...

Первым начал пробуждаться командир. К громкому и требовательному голосу РП оба космонавта за время полета привыкли – он вряд ли вырвал бы из приятной сонной неги. Сознание стало медленно пробуждаться из-за странного едкого запаха и призывного писка аварийной сигнализации.

– Володя! Володя, проснись! – быстро отстегивал привязные ремни Сергеев.

Инженер открыл глаза.

– А? Что?.. Что случилось?

– У нас что-то горит! Запах чувствуешь?!

Байдуков шустро покинул спальное место, оттолкнулся от борта и перелетел к ЦПУ.

– Задымление в отсеке пневмогидравлической системы, – моментально поставил он «диагноз».

Через пару секунд командир докладывал на Землю об аварийной ситуации на борту. Зная о неприятных сюрпризах при появлении рядом со станцией странного объекта-невидимки, сотрудники Центра управления были готовы ко всему, однако услышав о задымлении, не на шутку заволновались. Огонь и дым на борту любого космического корабля являлись главными признаками ЧП с самой высокой степенью опасности.

– «Орланы», во-первых, проверьте давление в системе! – подсказывал действия руководитель.

Командир с инженером сообща выполняли действия.

– Давление в норме!

– Пусть один из вас осмотрит внутреннюю обшивку в кормовой части станции.

– Осмотр ничего не дал. Несмотря на стойкий запах гари, источник задымления не обнаружен.

- Обшивка на ощупь теплая?
- Да, градусов на пять-семь выше обычного.
- Разбирайте! Немедленно разбирайте панели!..

* * *

Когда из обшивки напротив аварийного отсека космонавтами был удален первый лист, внутреннее пространство станции моментально наполнилось сизым дымом.

- Может, надеть дыхательные маски? – откашлявшись, предложил инженер.
- Нет времени! Давай посмотрим, в чем там дело...

Ситуация ухудшалась с каждой секундой. Космонавты отрывали панели обшивки одну за другой, приближаясь к тлевшему источнику, а дыма внутри станции становилось все больше и больше.

– Саша, Володя, приказываю начать эвакуацию! – гремел из динамиков голос руководителя. – Слышите меня?! Приказываю покинуть станцию!..

Они слышали команду, но хотели спасти положение. Оба хорошо знали конструкцию «Салюта»; под сорванными листами должны были находиться трубопроводы пневмогидравлики и жгуты электропроводки. Сергеев с Байдуковым их не видели. Задерживая дыхание, они лишь ощущали исходившее откуда-то тепло.

– Ни черта не видно! Можно разобраться только на ощупь! – откашливаясь, крикнул инженер. – Слишком много дыма.

- Уходим, Володя, – приказал Сергеев.
- Дай мне минуту. Я доберусь до источника!
- Не могу, Вовка! Валим, иначе будет поздно!..

Оттолкнувшись от конусообразного кожуха телескопа, космонавты поплыли к переходному отсеку, за стыковочным узлом которого находился их «Союз».

– Володя, закрывай люк! Я готовлюсь отчалить! – крикнул командир, занимая место в своем ложементе.

Инженер не ответил.

Окинув взглядом небольшой объем спускаемого аппарата, Сергеев не нашел друга.

– Володька, ты где?! – рванул он обратно.

В узком переходном отсеке станции еще можно было что-то разглядеть. Дальше – там, где пространство расширилось почти до четырех метров – все тонуло в сизом густом тумане.

– Володя! – крикнул Сергеев. – Володя, откликнись!!

Инженер молчал.

Возвращаться в рабочее помещение станции было равносильно самоубийству. И все же командир решил.

Закрыв рот рукавом комбинезона, он нырнул в задымленное пространство и принялся искать друга...

Глава первая

СССР; Москва; ГНИИ авиационной и космической медицины – Московская область; Звездный городок

Октябрь – ноябрь 1977 года

Одноместная палата центрального корпуса ГНИИ космической медицины совсем не походила на палаты обычных городских больниц или клиник. Специальная широкая кровать с регулируемым наклоном изголовья, кондиционер, небольшой холодильник, журнальный столик перед удобным креслом, цветной телевизор на ножках, на большом окне горизонтальные жалюзи. Над кроватью пульт управления светом и вентиляцией, рядом кнопка вызова медицинского персонала.

По телевизору транслировался выпуск новостей.

– Запущенный в августе этого года первый блок Чернобыльской атомной электростанции функционирует в штатном режиме, выдавая расчетную мощность – девятьсот двадцать пять мегаватт... – вещал с экрана диктор.

На кровати под тонким одеялом лежал Сергеев. В кресле, развернув к свету тонкую стопку стандартных листов, сидел Николай Павлович Анисимов и внимательно читал довольно длинный отчет о космическом полете.

В палате, не считая приглушенного голоса диктора первого канала, было удивительно тихо. То ли из-за капитальных оконных рам, то ли благодаря тому, что клинический корпус ГНИИ стоял в глубине института, и звуки проезжавшего по ближайшей улице транспорта до него не долетали. Из коридора корпуса тоже не доносился привычный для типичной советской больницы гомон, потому как на этаже имелось всего шесть палат, пять из которых на сегодняшний день пустовали, а Сергеев оставался единственным пациентом.

Сашка лежал на спине. Глядя в белый матовый потолок, он ждал, когда шеф закончит изучать его письменные труды. Настроение было – хуже не придумаешь. Проведенные в ГНИИ трое суток тянулись так, словно в каждом часе было не шестьдесят минут, а все триста. Только сон отгонял мрачные мысли и возвращал организму относительную свежесть.

– А вот здесь ты упомянул мелькнувшую тень, – сказал Анисимов, – и тут же поставил замеченное под сомнение. Как это понимать?

Сергеев нехотя пояснил:

– Тень наблюдал Байдуков. Да и то... скорее показалось. Он позвал к иллюминатору, я подлетел, посмотрел, но ничего не увидел. Устали мы к тому времени, Николай Павлович, вот и мерещилась всякая всячина.

– Тогда лучше вычеркнуть это предложение. Незачем морочить голову членам комиссии.

– Как скажете. Там все равно половину переписывать.

– Почему половину? – оторвался от отчета Анисимов. – Ты еще что-то вспомнил?

– Некоторые детали. Лежу тут, потолок изучаю... Делать все равно нечего, вот и восстанавливаю полет поминутно.

– Это правильно, Саша. Чем подробнее составишь отчет – тем лучше. Для всех лучше, включая вас с Байдуковым...

Последняя фраза задела за живое.

– Вы нам не доверяете? – мрачно выдавил космонавт. – По-вашему, мы сами придумали и невидимый объект, и связанные с его появлением отказы?

– Да ничего вы не придумали! Его вообще заметили не вы, а операторы дальнего радиолокационного контроля, – поморщился заместитель начальника Центра подготовки космонавтов. – И доверие к вам абсолютное. Просто тех, кто сидит там, – ткнул он пальцем в сторону потолка, – крайне нелегко убедить в том, что наши ученые знают не все, а технологии далеки

от совершенства. Что в космосе, да и на Земле существует масса непознанного, неизученного, неоткрытого. Им нужны факты, понимаешь? Железные и неопровержимые факты.

– Но ведь появление объекта зафиксировано!

– Да, на экранах локаторов его наблюдали десятки специалистов. А в реальности ни визуального контакта, ни фотографического, ни видеоматериала. Только ваши воспоминания о сопутствующих аномалиях и отказах...

Анисимов снова углубился в чтение.

Поправив подушку, Сергеев лег поудобнее и уставился в потолок, на котором за три дня успел изучить каждую трещинку, каждую крапинку под застывшей белой матовой краской.

– Переходим к международным событиям, – сообщил с экрана телевизора диктор, откладывая один листок с текстом и принимаясь за следующий. – Президентом США Джимми Картером и военным руководителем Панамы Омаром Торрихосом подписаны два соглашения, согласно которым в двухтысячном году Панамский канал будет полностью передан под юрисдикцию Панаме...

Новость не заинтересовала. Повернув голову к окну, Сергеев углубился в воспоминания...

* * *

Сейчас Александр вспоминал не те моменты, что были связаны с появлением неизвестного объекта, а последние суматошные мгновения пребывания на станции. О том, как вернувшись в рабочее помещение, потерял пространственную ориентировку. О том, как из-за густого дыма постоянно кашлял и ничего не видел на расстоянии вытянутой руки. Вспоминал, как цеплялся за что-то и кое-как продвигался вдоль стены туда, где во внутренней обшивке зияла большая дыра из-за снятых панелей.

– Володя! Володька, ты меня слышишь?! – постоянно звал он товарища.

Тот не откликался.

Сергеев был уверен: Байдуков там – в кормовой части рабочего отсека. Он ведь хотел добраться до источника задымления и ликвидировать его.

Задерживая дыхание, командир плыл все дальше и дальше в глубь станции...

Это было чертовски опасно. Инженер наверняка надыхался дымом, потерял сознание и болтался где-то у кормовых агрегатов. Если Сергеева постигнет та же участь, то погибнут оба. Но он очень хотел найти друга и эвакуироваться в «Союз» вместе с ним. Иначе что он скажет, вернувшись на Землю один? Как будет смотреть в глаза родным Байдукова и своим товарищам?..

Внезапно ладонь нащупала холодную металлическую деталь.

«Вентиль! – определил по форме детали Сергеев. – Специальный вентиль бака с питьевой водой!» Пропитав водой рукава комбинезона, Александр стал дышать через влажную ткань. И поплыл дальше.

Вскоре из непроглядного тумана появился конусообразный кожух телескопа, расположенный примерно в середине рабочего отсека станции. И в этот момент лицо ощутило волну разогретого воздуха.

Переместившись еще немного вперед, Сергеев заметил мерцавшее сквозь дым оранжевое пятно.

«Огонь!» – похолодело у него в груди.

На станции начинался пожар – самое худшее ЧП из всех возможных. Согласно инструкциям и наставлениям, в этом случае экипажу надлежало принять срочные меры для устранения возгорания, и если это невозможно – немедленно покинуть пределы станции.

Выхватив из ближайшего кронштейна огнетушитель, Сергеев двинулся дальше. В эти страшные мгновения ему было наплевать на инструкции. Он принял решение и делал все для того, чтобы найти и спасти своего товарища.

Байдукова он обнаружил возле зиявшего отверстия во внутренней обшивке. Тот плавал в невесомости, раскинув руки и ноги, а вырывавшиеся из отверстия языки пламени лизали его тело. Комбинезон из специальной ткани тлел в нескольких местах.

Зафиксировавшись одной рукой за кронштейн торчавшего вентилятора, другой Сергеев оттолкнул в сторону Байдукова и привел в действие огнетушитель. Мощная струя накрыла отверстие; вырывавшиеся из него языки пламени на некоторое время исчезли.

Схватив инженера, Александр рванул обратно – к выходному люку. И вдруг почувствовал, как «картинка» в глазах расплывается. Собственно ничего в густом дыму, кроме пльвшего впереди тела Володьки, он не видел. Но именно его очертания и стали терять свою четкость. К тому же в затылке появилась острая пульсирующая боль, в желудке образовался тяжелый ком из съеденной накануне пищи и стало жутко подташнивать.

«Успеть бы! Только бы успеть добраться до люка!» – отчаянно хватался он свободной рукой за невидимые предметы и наугад корректировал направление полета.

Когда тело Владимира вдруг резко остановилось, Сергеев не сразу понял, что впереди из густого марева опять вырос кожух телескопа. Товарищ ударился о него плечом и развернулся поперек полета.

«Это только середина основного отсека!» – выпустил Сергеев из груди воздух и сделал новый глоток, от которого в горле нестерпимо запершило. С трудом обогнув препятствие, он оттолкнулся от него ногой и, обняв бесчувственного товарища, двинулся дальше.

Проплывая над центральным пультом управления, командир дотянулся до тумблера и полностью обесточил станцию.

Последним, что он запомнил с относительной ясностью, стало сужение, где заканчивался рабочий отсек станции, а за круглым отверстием начинался переходный.

* * *

– Саша, а ты не заметил какой-либо закономерности в отказах? – в очередной раз отвлёкся от чтения отчета Анисимов. – Ну, скажем, одинаковые временные интервалы или какой-то другой порядок?..

Голос донесся как будто издалека.

Вернувшись из воспоминаний, Сергеев нехотя ответил:

– Как раз наоборот – никакой системы, Николай Павлович. Мы с Володиёй вконец издержались, пребывали в полной растерянности и не знали, чего ожидать при очередном появлении объекта.

– Вот это хуже всего, – вздохнул тот, положив отчет на прикроватную тумбочку. Встав и оправив пиджак ладного костюма, кашлянул в кулак: – Ладно, Саша, пора мне. Дел еще сегодня невпроворот.

Пожав Анисимову руку, Сергеев задал вдогонку последний и самый волнующий вопрос:

– Николай Павлович, вы у Володи сегодня были?

– Заходил. Разговаривал с главным врачом ожогового центра. Пока никаких изменений.

– Значит, лежит под стеклянным колпаком?

– Да, кажется, это называется «респираторная поддержка». Впрочем, я могу ошибаться. Совсем запутался в терминах главврача: волемиические расстройства, венозный доступ, интубация, искусственная вентиляция... Байдуков лежит с закрытыми глазами, весь в иголках, системах...

Промолчав, Сергеев тяжело вздохнул.

– Да, Саша, и у меня мороз по коже от этой картины, – признался Анисимов. – Ну, довольно тебя расстраивать подробностями. Врач считает, что твой инженер выкарабкается. Все, пошел я. До встречи...

* * *

Как он перебрался с бесчувственным телом друга из задымленной станции в «Союз», – в памяти совершенно не отложилось. А ведь не только перебрался, но и закрыл за собой два люка и даже успел запустить на полную мощность систему вентиляции. Вероятно, это и спасло от гибели.

Некоторое время Сергеев балансировал на грани, то впадая в беспамятство, то возвращаясь в реальность. Голова раскалывалась, мышцы не слушались. Когда сознание прояснялось, он понимал: нужно срочно отваливать от «Салюта» и отводить «Союз» на безопасную дистанцию. Но заставить подчиниться непослушное тело не мог.

Наконец, очистив легкие свежим воздухом, он окончательно открыл глаза.

В бытовом отсеке «Союза» было шумно. Во-первых, надрывался руководитель, постоянно вызывая «Орланов» на связь. Во-вторых, громко гудели электродвигатели вентиляции из-за забитых рвотными массами приемных сеток. Неподалеку, раскинув руки и ноги, парил Байдуков; кисти рук и голова были обожжены, на комбинезоне зияли тлевшие дыры.

Конечно, надо было оказать другу посильную медицинскую помощь, но прежде Сергеев решил обезопасить корабль. Если на «Салюте» из-за пожара начнут взрываться воздушные баллоны, то пострадает и «Союз». И тогда возвращение на Землю будет под очень большим вопросом.

Проскользнув в спускаемый аппарат, командир включил нужные системы, в одиночку произвел отстыковку «Союза» в ручном режиме и включил в работу рулевые и корректирующие двигатели. Отойдя от станции метров на двести, он зафиксировал корабль в одной точке и лишь после этого бросился помогать товарищу...

* * *

– ...Двадцать второго октября в свой первый рейс отправился советский атомный ледокол «Сибирь», – торжественным голосом сообщил диктор. – Новое современное судно является третьим в мире ледоколом с ядерной энергетической установкой...

Склонившись над журнальным столиком, Сергеев сидел в кресле и заканчивал работу над отчетом. Перед ним лежал последний и окончательный вариант сочинения. За пять дней, проведенных в НИИ космической медицины, он припомнил весь полет до мельчайших деталей. Припомнил и подробно описал на четырнадцати стандартных листах.

Покончив с писаниной, Александр поставил внизу дату, подпись. Еще разок окинув взглядом свои труды, отодвинул стопку листов и удовлетворенно откинулся на спинку кресла.

Сегодня настроение было гораздо лучше, и тому имелось несколько причин.

Во-первых, срок пребывания Сергеева в НИИ заканчивался. Он почти не пострадал в пожаре на станции, если не считать легкого отравления продуктами горения, и здешнее хождение по врачам являлось заурядной процедурой для любого вернувшегося с орбиты космонавта. Сдача анализов, кардиограммы, измерения, обследования – типовой набор углубленной медицинской комиссии, которую каждый, чья работа связана с космосом или небом, проходит как минимум дважды в год.

Во-вторых, обнаружили позитивные сдвиги и в состоянии Володи Байдукова. Сегодня он был выведен из искусственной комы и впервые открыл глаза. Об этом в одиннадцать утра радостно сообщил по телефону Анисимов.

В-третьих, Сергеев закончил отчет, который сегодня же будет переправлен членам комиссии. На его изучение уйдет два-три дня, после чего командира экипажа вызовут на заседание для устного опроса. Во время последней встречи Анисимов обмолвился о том, что комиссия в курсе происходившего на орбите, вины экипажа в аварии на станции не видит и полна желанием докопаться до ее истинных причин.

Улыбнувшись, Сергеев перевел взгляд на экран телевизора, где транслировался короткий новостной сюжет о новом пассажирском лайнере.

– Сегодня совершил первый испытательный полет советский пассажирский самолет Ил-86, – глядя на космонавта, с гордостью сообщил диктор. – Четырехмоторный широкофюзеляжный лайнер спроектирован в конструкторском бюро Ильюшина и предназначен для эксплуатации на авиалиниях средней протяженности. Расчетная вместимость самолета – до трехсот пятидесяти пассажиров...

* * *

Отведя корабль на безопасную дистанцию, Сергеев занялся Байдуковым. Руководитель полетов надрылся, вызывая экипаж, а он осторожно высвобождал товарища из обгоревшего комбинезона и приговаривал:

– Потерпи, Вовка. Подгорел чуток, но это не смертельно. Площадь ожогов – процентов десять-пятнадцать. Четвертой степени нет. В основном вторая и местами третья. Ничего, как-нибудь справимся. Терпи, брат. Терпи...

Пребывая в полубессознательном состоянии, Байдуков изредка шевелил конечностями и стонал. Освободив пораженные места от ткани, командир смочил их прохладной водой, затем дал товарищу напиток, вколол два кубика аспирина и самое мощное обезболивающее средство, имевшееся в бортовой аптечке «Союза». В заключение обработал ожоги антисептиком и наложил слабые стерильные повязки.

– Все, Володька, теперь до посадки, – сказал он, осторожно закрепляя друга в спальном месте бытового отсека.

Нырнув в спускаемый аппарат, он схватил шлемофон с гарнитурой и наконец ответил взволнованному РП.

Тот поначалу обрадовался, а узнав причину долгого молчания, дал команду готовиться к экстренной посадке.

* * *

Покинув ГНИИ авиационной и космической медицины, отдохнувший и посвежевший Сергеев прибыл в Звездный городок, где предстал перед членами высокой комиссии.

Заседание проходило в кабинете Георгия Берегового – начальника Центра подготовки космонавтов. В кресле Георгия Тимофеевича расположился председатель комиссии Иван Дмитриевич Сербин – заведующий отделом оборонной промышленности ЦК КПСС. Рядом занимали места представители Военно-промышленной комиссии, Министерства обороны, Министерства общего машиностроения, Комитета по оборонной технике. Рядовые члены комиссии сидели напротив друг друга за длинным столом, где обычно во время совещаний устраивались подчиненные Берегового.

Среди членов комиссии Сергеев узнал Берегового, Анисимова и еще двух человек, принимавших активное участие в подготовке полета.

Поздоровавшись, космонавт замер возле двери.

– Присаживайтесь Александр Станиславович, – кивнул на отдельно стоящий стул председатель.

Сергеев шагнул к стулу, сел.

– Как вы себя чувствуете? – последовал первый вопрос.

– Спасибо, я абсолютно здоров.

Перед каждым членом комиссии лежали копия его отчета, врачебные выписки и еще какие-то документы.

Полистав отчет, Сербин попросил:

– Расскажите о первом появлении так называемого «неопознанного объекта».

– Мы с Байдуковым его не видели, – начал Сергеев. – Нас предупредили о его приближении из Центра управления полетом. Спустя минуту или полторы стала барахлить радиосвязь и отключилось основное освещение в рабочем отсеке станции.

– А вы пытались установить визуальный контакт с объектом?

– Да, конечно. Каждый раз, когда руководитель полетов предупреждал о его появлении и передавал нам приблизительные координаты с параметрами движения, мы перемещались к иллюминаторам и пытались рассмотреть объект.

– И ничего не видели?

– Ничего.

– Разрешите? – обратился к председателю один из членов комиссии.

– Да, пожалуйста, – кивнул тот.

– Скажите, а ваше самочувствие никак не менялось во время приближения неизвестного объекта?

– Пульс оставался в норме, – пожал плечами Сергеев. – Давление вроде тоже не менялось.

– Головных болей или беспокойства не ощущали?

– Нет, никаких недомоганий мы не испытывали, а беспокоиться приходилось только из-за отказов.

– Мы ознакомились с вашим отчетом. В нем все события изложены с предельной четкостью, – вновь принял эстафету Иван Дмитриевич Сербин. – Все, кроме последнего этапа.

– Вас интересует посадка спускаемого аппарата? – удивился Сергеев.

– Да.

– Данный этап был довольно скоротечен. Все происходило штатно, без отказов и накладок.

– И все же нам хотелось бы услышать, как вы в одиночку справились с этим непростым делом. Готовы вспомнить и рассказать?

– Конечно.

– Тогда слушаем...

* * *

Получив «добро» от РП на экстренную посадку, Сергеев не терял ни секунды. Первым делом он рассчитал момент включения двигателя для торможения. Точность данного расчета была очень важна для определения места посадки.

Покончив с расчетами и определив точку вхождения в плотные слои атмосферы, Александр передал координаты в ЦУП и начал готовиться к посадке.

Володька по-прежнему пребывал на грани: то терял сознание, то что-то шептал красными обожженными губами. Обезболивающий препарат возымел действие: пострадавший в огне космонавт уже не метался и не стонал.

Командир с предельной осторожностью переправил его в спускаемый аппарат, усадил в ложемент, пристегнул ремнями. Затем наглухо запечатал люк между спускаемым аппаратом и «бытовкой», устроился в своем кресле, доложил «Заре» о готовности и принялся ждать...

Через полчаса РП предупредил о минутной готовности к включению двигателей ориентации, поэтому их шипение врасплох не застало. Развернув корабль в нужную сторону, автоматика запустила маршевую двигательную установку. Внутри «Союза» появилась ощутимая гравитация.

Контролируя работу систем, Сергеев беспрестанно поглядывал влево на инженера. Его спина и шея здорово пострадали от огня, а кресло было устроено таким образом, что находиться в нем полагалось только лицом к пульту. Даже повернуть Володьку набок не представлялось возможным – при входе в плотные слои перегрузка достигала предельных значений, и при неправильном положении возникала опасность повредить позвоночник.

– Потерпи, Вовка. Все будет нормально, – прошептал Александр.

Отработав положенный промежуток времени, двигатель умолк. Корабль снизил скорость до заданного значения и приближался под расчетным углом к верхним слоям атмосферы.

После выработки топлива и отключения двигателя в тесном пространстве спускаемого аппарата опять стало тихо. Корабль находился в безвоздушном пространстве последние секунды. Снижение проходило штатно: скорость и угол вхождения в атмосферу точно соответствовали расчетным. Данный участок возвращения корабля с орбиты походил на падение по баллистической траектории. Плавно теряя скорость, «Союз» летел, подобно пущенному кем-то булыжнику. И никто, включая находившихся внутри космонавтов, уже не мог повлиять на траекторию, скорость и место посадки.

Более всего Сергеев переживал за товарища: как он перенесет перегрузки, не пострадают ли при бешеной тряске и вибрации пораженные огнем участки тела. Возле пульта управления, медленно вращаясь против часовой стрелки, парил пустой тюбик из-под чистой питьевой воды. А Александр покусывал губы и сокрушался: «Надо было сделать Володьке еще один укол обезболивающего препарата. Чтоб уж наверняка...»

Внезапно тюбик вздрогнул и плавно поплыл к ногам Сергеева.

– Гравитация, – прошептал он. – Достигли пограничного слоя атмосферы.

Снаружи послышался слабый шум. Постепенно его мощность нарастала, а за иллюминаторами появились оранжевые всполохи плазмы. Где-то внизу сработали пиропатроны, отстрелившие агрегатный отсек, а через несколько секунд отсоединился и бытовой отсек. Каждое из этих действий сопровождалось рывками и вибрацией.

Полегчавший трехтонный спускаемый аппарат опасно «рыскал» до тех пор, пока воздух не стал плотнее и не стабилизировал его полет.

* * *

Почти час Сергеев сидел перед высокой комиссией и отвечал на сыпавшиеся от ее членов вопросы. Спрашивали все, за исключением Анисимова, который до заседания неоднократно виделся с командиром космического экипажа и успел вдоволь с ним наговориться.

– ...Начальник ЦУП в своем отчете отметил, что связь с экипажем при входе в плотные слои отсутствовала вдвое дольше обычного, – снял очки председатель. – Что вы можете сказать по этому поводу? Это нормальное явление?

– Аппарат сильно трясло. Из-за вибрации я не мог считывать показаний приборов и не контролировал время, – ответил Сергеев. – Да связь какое-то время отсутствовала, но когда я услышал запрос руководителя, то сразу ответил.

– Вам, вероятно, не сказали о том, что при сходе «Союза» с орбиты дальний локационный контроль в очередной раз зафиксировал появление объекта?

– Нет, я этого не знал.

– Вот поэтому я и задал вопрос: не отмечались ли вами какие-либо отказы на этапе посадки?

– Нет, товарищ председатель, – упрямо мотнул головой Сергеев. – Посадка происходила в штатном режиме. Никаких отклонений. Кроме, пожалуй, одного.

– Ну-ка поподробнее, пожалуйста.

– На две-три секунды пропадало питание основной электросистемы. Дублирующая включалась своевременно, поэтому все остальные системы работали без сбоев.

Члены комиссии переглянулись.

– Почему же вы не отметили данный факт в отчете? – удивился Сербин.

– Я был уверен в том, что кратковременный сбой произошел из-за вибрации. И к тому же полагал, что комиссию интересуют отказы, произошедшие во время основной стадии полета, а не за несколько минут до посадки.

– Напрасно вы так полагали. Произошедшее с вами на орбите имеет определенную уникальность, поэтому нас интересует абсолютно все. Кстати, как происходило приземление? Вы об этом тоже не написали ни слова...

* * *

При прохождении плотных слоев атмосферы внутри спускаемого аппарата было довольно шумно. Если Байдуков мог бы говорить, то его голоса Сергеев все равно не слышал бы.

Командир постоянно поглядывал на товарища. В первые секунды, когда корабль закрутило и здорово затрясло, тот морщился от боли и, наверное, стонал. Потом затих.

«Снова потерял сознание, – догадался Сергеев. – Черт... даже мощные обезболивающие бессильны...»

Вибрация понемногу затихала. Огненные всполохи за иллюминатором побледнели и стали реже, а по специальным огнеупорным стеклам перестали ползти капли расплавленного металла.

По круглому циферблату равномерно бежала стрелка, отсчитывая секунды до приземления.

– Все нормально, Володя. Все у нас будет нормально, – приговаривал командир.

Сейчас его взгляд «приклеился» к барометрическому прибору, стрелки которого показывали стремительно растущее внешнее атмосферное давление.

Одна из стрелок приближалась к заветной красной риске.

– Скорость падает. Сейчас появится связь с Землей, а над головой должны сработать пиропатроны. Сейчас... Ну! Давай же!..

Однако вместо ожидаемых щелчков дважды выключились и включились плафоны внутреннего освещения, а на пульте истерично заморгало табло «Отказ основной электросистемы». Ее оперативно подстраховала дублирующая система, обеспечившая исправную и бесперебойную работу оборудования и агрегатов.

Через несколько секунд табло погасло. Шум от воздушного потока стих, появилась связь с ЦУПом, а над головой наконец дружно протрещали пиропатроны, отстрелив крышку парашютного отсека.

Аппарат прилично встряхнуло.

«Выход вытяжного блока, – понял Сергеев и посмотрел влево. Байдуков по-прежнему был без сознания. – Еще трижды тряхнет, и закончатся наши мучения, Володька. Совсем немного осталось...»

Вытяжной блок одновременно выполнял две функции: замедлял скорость падения аппарата и вытягивал небольшой тормозной парашют.

Стрелка барометрического прибора постепенно замедляла бег по круговой шкале. Скоро аппарат вздрогнул вторично – сверху раскрылся небольшой купол тормозного парашюта. Перегрузка увеличилась, отчего Байдуков застонал.

Сергеев дотянулся до запястья друга, легонько сжал его.

– Держись, брат. Сейчас тряхнет в третий раз. На семи километрах. И все. Дальше касание земли и, считай, наши приключения завершились...

Раскрытие последнего и самого большого купола обеспечило аппарату и самую ощутимую встряску. Привязные ремни настолько сильно впились в тело Сергеева, что он и сам едва не застонал.

Дальнейшее снижение происходило плавно, без рывков. Аппарат лишь слегка раскачивался под парашютным куполом и вращался вокруг вертикальной оси. Встроенная КВ-радиостанция исправно работала, передавая в эфир сигнал и давая возможность пеленговать точное местоположение спускаемого аппарата.

На высоте одного километра командир заметил в иллюминаторе пролетающий на некотором удалении поисковый вертолет.

– Все, Володя, мы практически дома, – облегченно выдохнул он. – Через полторы минуты легонько тукнемся о планету, откроем люк. А там нас встретят наши товарищи: врачи, специалисты, вертолетчики... В общем, все те, кто тебе сейчас нужен.

Автоматика на орбите сработала безупречно, и посадка происходила точно в заданном районе – в ровной как теннисный стол казахской степи.

Метрах на восьмистах звонко щелкнул последний пиропатрон под полом аппарата, отстрелив небольшую круглую крышку. Из углубления тотчас выскочил свернутый жгут, в мгновение ока развернувшийся в длинный металлический шуп.

Ровно через минуту конец шупа встретился с земной поверхностью, и надежная система привела в действие тормозное устройство, состоящее из четырех направленных вниз и в стороны небольших пороховых ускорителей.

Четыре огненных струи создали мощный импульс, который уменьшил скорость снижения до минимальной. Спускаемый аппарат плавно коснулся земной поверхности и замер. Жгуты строп отделились от конусообразного аппарата, «испустивший дух» бело-оранжевый купол стал опадать рядом.

Когда рассеялась пыль, а купол из-за безветрия спокойно улегся на пожухлую траву, люк с лязгом открылся. В темном проеме появился Сергеев.

Оглядевшись по сторонам и заметив заходивший на посадку поисковый вертолет, он сорвал с головы шлемофон и принялся им призывно махать.

* * *

В общей сложности заседание комиссии продолжалось более двух с половиной часов. Примерно половину этого времени Сергеев подробно отвечал на многочисленные вопросы председательствующего Сербина и его коллег. Затем командира космического экипажа поблагодарили и попросили подождать в соседнем помещении.

Покинув огромный кабинет начальника ЦПК, Сергеев оказался в приемной, где за боковым столиком стучала клавишами печатной машинки молодая секретарша.

– Присаживайтесь, – кивнула она на ряд кресел, стоявших напротив.

Мысленно космонавт все еще находился перед комиссией и обдумывал свой ответ на последний вопрос. Пропустив мимо ушей предложение присесть, он подошел к приоткрытому окну и, не оглядываясь, спросил:

– У тебя сигареты есть?

– Здесь нельзя, – неуверенно ответила секретарша. Тем не менее встала, подошла и протянула пачку.

Сергеев курил очень редко. Когда нервничал или когда ситуация требовала быстрой и напряженной работы головного мозга. Вроде бы никакой связи, но думалось с сигаретой почему-то лучше.

Девушка щелкнула зажигалкой, Сергеев жадно затянулся, медленно выпустил дым в щель между окном и рамой.

– Неприятности? – робко спросила секретарша.

Только теперь он повернул голову и обратил на нее внимание.

Небольшого роста, но с хорошей фигуркой. Лет двадцать пять – двадцать семь. Темные волосы, доверчивый взгляд выразительных карих глаз; чуть вздернутый, но прямой носик, пухлые губки. Абсолютное отсутствие косметики. Строгий костюмчик добавлял ей немного возраста и серьезности. Сергеев на миг представил девушку в легком платье и... невольно улыбнулся.

– Мои неприятности позади. Вот инженер поправится и вообще будет здорово.

– Я слышала, у вас случился пожар?

– Да. К сожалению, не успели вовремя распознать и среагировать, – кивнул Сергеев. И поинтересовался в свою очередь: – Вы работаете здесь недавно?

– Почему недавно? Второй год, – с детской наивностью ответила девушка.

– Почему же я не замечал вас раньше?

Она улыбнулась:

– Не знаю. Я каждый раз с вами здороваюсь, когда вы приходите к Георгию Тимофеевичу...

Секретарша хотела спросить еще о чем-то, но за дверью кабинета послышались шаги. Она прошмыгнула на рабочее место, а Александру пришлось выбросить от греха подальше окурок в окно.

Дверь распахнулась. В проеме показался Анисимов.

– Поехали, Саша, – кивнул он. – Я отвезу тебя домой.

Проходя мимо секретарского стола, Сергеев вернул пачку сигарет.

– Спасибо.

– Не за что. Удачи вам...

* * *

Служебная машина Анисимова ехала по вечерней Москве в сторону Тушино, где проживал Сергеев. В конце рабочего дня движение в столице становилось интенсивным, и сидевший за рулем пожилой грузный мужчина был полностью занят дорогой. Расположившиеся на заднем диване Анисимов и Сергеев некоторое время молчали, вспоминая и обдумывая только что прошедшее заседание комиссии.

Затем Николай Павлович очнулся и, хлопнув подчиненного по коленке, сказал:

– Нет повода расстраиваться, Саша. Отчет ты составил полно и грамотно, на вопросы отвечал правильно, держался достойно.

– Что решили? – мрачно поинтересовался тот.

– До окончательного решения еще далеко. Сейчас все вопросы вертятся вокруг тщательного и объективного расследования происшествий на станции. Пока Байдуков приходит в себя, ты остаешься единственным свидетелем и участником событий на орбите. Поэтому будь готов к продолжению «допроса».

– Всегда готов, – буркнул Сергеев и отвернулся к окну.

Глава вторая

СССР; Москва — авиационный гарнизон в Поволжье

Ноябрь 1977 года

Из динамиков работающего в комнате телевизора доносился голос диктора:

– ...Сегодня состоялся первый коммерческий рейс новейшего пассажирского лайнера Ту-144 с пассажирами на борту. Рейсом № 499 из Москвы в Алма-Ату было перевезено девятью пять пассажиров. Расстояние между двумя городами составляет более трех тысяч километров. Между тем на воздушное путешествие было затрачено всего три часа...

Говорил мужчина-диктор спокойно и буднично, словно создание сверхзвуковых пассажирских лайнеров в Советском Союзе было явлением заурядным и каждодневным.

Александр хлопотал на кухне. Услышав эту новость, он замер со сковородкой в руке. После удовлетворенно кивнул и продолжил приготовление ужина.

Недавний полет подполковника Сергеева к новой орбитальной станции «Салют-6» стал первым в его космической карьере, поэтому в отряде космонавтов до недавнего времени он числился новичком, дебютантом. Во время долгой и изнурительной подготовки к полету он обитал в общежитии Звездного городка, а за полгода до старта получил скромную однокомнатную квартиру в десятилетней панельной высотке в Тушине. В шикарных и довольно больших по площади квартирах Звездного проживали старожилы отряда и семейные космонавты. Холостяки же вроде Сергеева могли рассчитывать на общежитие или в лучшем случае на «однушки» вблизи Кольцевой дороги.

Поставив сковородку на плиту, Сергеев сполоснул под струей воды руки. И снова остановился посреди кухни – из головы не выходили мысли об орбитальной станции. Что будет с «Салютом»? Решит ли руководство реанимировать станцию или, столкнув с орбиты, утопит в Тихом океане? Удастся ли еще разок слетать к ней? Да и вообще, пустят ли его в космос после такой громкой неудачи?..

Внезапно раздался звонок домашнего телефона.

– Да, Сергеев, – подошел он к аппарату.

– Привет, – послышался усталый голос Анисимова.

– Здравствуйте, Николай Павлович.

– Что нового? Как самочувствие, настроение?

– Новостей никаких. В основном сижу дома. Здоровье и настроение в норме.

– Не надоело бездельничать?

– Лень в молодости, Николай Павлович, – залог здоровой и спокойной старости.

– О как. Жаль, не знал раньше этой формулы, иначе непременно бы взял на вооружение.

Слушай, тут есть некоторые подвижки по расследованию ваших приключений на орбите.

– Серьезно? Интересно было бы узнать.

– По этому поводу и звоню. Ты чем занят? Можешь подъехать ко мне?

– Да-а... собственно, почти не занят. На кухне вожусь по хозяйству.

– Готовишь, что ли?

– Да, курицу по-аджарски. А куда именно подъехать?

– Так, стоп, – в интонации шефа прозвучал недюжинный интерес. – Что такое «курица по-аджарски»?

Сергеев совсем растерялся.

– Ну, это... по виду и по вкусу напоминает грузинское блюдо «цыпленок табака». Только чеснока побольше.

– Вот зачем ты об этом рассказал? Я ж голоден, как тот еврей в пустыне! – шутливо возмутился Анисимов.

- Вы же сами попросили!
- Сам, сам... Слушай, а ты не мог бы пригласить меня на ужин? Я как раз еду по Ленинградскому проспекту в твоём направлении.
- О чём речь, Николай Павлович?! Приезжайте!
- Ты один? Я, слушаем, не нарушу твоих планов?
- Нет-нет. Никаких планов, кроме вкусного ужина, не было.
- Это ты зря. Давно пора подумать об устройстве настоящего семейного очага. Ладно, это я так – ворчу по-стариковски... Слушай, а под курочку у тебя что-нибудь есть?
- Найдётся, – засмеялся Сергеев.
- Все, сейчас буду. Жди...

* * *

Счастливое детство Александра прошло в самой обычной сталинской пятиэтажке, каждый из четырёх подъездов которой напоминал одну большую коммуналку. Взаимовыручка, десятка до полочки, ключи под ковриком, общие столы по праздникам. Дом заселялся сразу после войны, в основном вернувшимися после Победы фронтовиками. Для поколения Сашки Сергеева ветераны вовсе не были абстрактными стариками с рядами орденов и медалей на старых пиджаках. Это были вполне конкретные люди: собственные дедушки, бабушки, отцы, матери, старшие братья, их друзья и соседи.

Ныне Александру шел тридцать седьмой год. Он был чуть выше среднего роста, открытое лицо имело правильные черты; густые, темные волосы он по давней привычке стриг очень коротко.

Сергеев никогда не был женат. Во-первых, потому что любил свободу. Во-вторых, вся его сознательная жизнь вращалась внутри авиационных гарнизонов, где постоянно кипела жизнь: учеба, полеты, тревоги, зачеты, парковые дни, командирская подготовка и снова полеты. Человеком он слыл серьезным, к службе и любимому делу относился трепетно, вот и не оставалось времени на личную жизнь. Тратить его на всяких стерв или дур не хотелось, а умные и приличные на жизненном горизонте почему-то появлялись редко.

Одной из таких была Ольга – молодая, красивая, неизбалованная девушка с хорошими манерами и правильным характером. Она была вдовой погибшего летчика Игоря Яковенко, с которым счастливо прожила всего три года.

Нормальный мужчина рано или поздно обязательно уйдет от глупой бабы, будь та хоть первой красавицей «на деревне». И в то же время он никогда не оставит умную, спокойную, заботливую и любящую женщину. К счастью, на просторах нашей огромной страны еще встречаются такие, рядом с которыми самые неотесанные и хамоватые мужланы стараются выглядеть лучше: окурки бросают в урны; пивные бутылки открывают специальным ключом, а не зубами; ищут по карманам платки, коих там никогда не водилось; изымают из фразеологических оборотов нецензурные выражения.

Именно такой и была Ольга. Она работала в строевом отделе авиаполка, и впервые Сергеев столкнулся с ней по вопросам службы. Пообщавшись, внезапно ощутил тончайший аромат достоинства, породу и богатство внутреннего мира. Он хоть и провел некоторую часть своей жизни в казармах, тем не менее красоту внутреннюю и внешнюю разглядеть умел.

Не растерявшись, Александр пригласил девушку в кафе. Та сначала отшучивалась, но с третьей попытки согласилась.

В кафе два близких по духу человека выпили по бокалу вина, разговорились и очень быстро нашли общий язык. Расположившись к собеседнику, Ольга рассказала о браке, о погибшем Игоре. Сергеев застал его в гарнизоне, но летали они в разных эскадрильях и знали друг

друга весьма поверхностно. А потому многое в рассказе молодой женщины он услышал впервые.

Ольга понравилась Александру, ему захотелось упрочить отношения и видеться с ней как можно чаще. Даже несмотря на свою любовь к свободе. Но Ольга почему-то сопротивлялась, стремясь сохранить дистанцию. Редкие объятия и поцелуи можно было не считать, ибо они скорее походили на приятельский ритуал, да и случались в редкие моменты расставания перед командировками.

Он видел и ощущал, что она тянется к нему, любит, но долго не мог понять, что же ей мешает, что не дает дать волю своим чувствам, пока случайно не услышал ее разговор с подругой.

Они были приглашены на юбилей к командиру полка. Сергеев с товарищем стоял в гостиной возле открытого окна, а на балконе курили три молодые женщины.

– Оленька, сколько ты еще намерена оставаться вдовой? – спросила одна из подруг.

– Не знаю, – тихо ответила она.

– Не пора подумать о замужестве? – вмешалась вторая.

– О каком замужестве?

– Не прикидывайся. Знаем мы о твоих отношениях с Сашей Сергеевым. Неужели он еще не подкатывал с предложением?

– Не подкатывал. Но намекал.

– Ну а ты?

– А что я?..

– Ольга, ты в своем уме?! Что тебе еще надо?! Высокий, интеллигентный, красивый и умом не обижен...

Молодой летчик все слышал. Он испытывал неловкость, хотел переместиться подальше от балкона, но любопытство победило – уж очень не терпелось узнать причину, из-за которой отношения с Ольгой буксовали.

– Саша – прекрасный человек, но... – помолчав, вздохнула она.

– У тебя есть другая кандидатура?

– Нет у меня никого. Дело в другом.

– В чем же? – любопытствовали подружки.

– Просто... когда погиб Игорь, я дала себе клятву в том, что больше никогда не выйду замуж за летчика. Не хочу, девочки. Одного потеряла и едва пережила это. А вы про Александра...

Около двух лет они так и встречались, балансируя между разрывом и супружеством. А закончилась их история весьма прозаично. В одну из летних смен Сергеев выполнял тренировочный полет с пуском ракет на полигоне. При возвращении на аэродром в кабину из-под приборного щитка повалил дым. РП приказал покинуть машину, но Александр поступил по-своему: запросив экстренное снижение, он уменьшил скорость и сбросил фонарь. Затем настоял на спрямлении маршрута и заход на посадку с прямой.

Сел нормально. Когда самолет свернул с полосы на рулежку, правый борт облизнуло пламя.

В тот день подфартило: подоспевшие пожарные ликвидировали возгорание и помогли пилоту выбраться из кабины.

А вот с Ольгой после этой нервотрепки не повезло. Вечером она встретила его бледная и с заплаканными глазами.

– Прости меня, Саша, но это наша последняя встреча, – сказала она, пряча взгляд. – Я больше подобного не перенесу...

* * *

– Кажется, ты удивлен? – подхватил Анисимов рюмку с холодной водкой.

Высушив полотенцем руки, Сергеев уселся напротив шефа.

– Как вам сказать?.. Вы производите впечатление нормального человека. Значит, ничто человеческое, включая спиртное, вам не чуждо.

– Хорошо сказано. И правильно. Ну, давай, Саша, за конец рабочей недели.

Мужчины выпили. Анисимов отломил кусок горячей, только что приготовленной курицы, вдохнул аромат острой приправы. Попробовал.

– Слушай, неплохо у тебя получается! В последний раз я такое едал в ресторане на Арбате! – восторженно отозвался он. – Ты где так наловчился готовить?

– В Грузии. Когда служил в гарнизоне рядом с Цулукидзе.

– Точно! Как же я упустил этот факт из твоего личного дела?!

– За три года службы в Грузии я освоил почти всю местную кухню. Вот выгонят из отряда космонавтов – устроюсь поваром в ресторан.

– Не выгонят, – отмахнулся Анисимов. И с улыбкой признался: – А я, знаешь ли, люблю после окончания рабочей недели немного расслабиться. Приедешь домой усталый, за окном московская сырость; настроение – дрянь. Пообедать на работе не успел, выговор от начальства схлопотал, раздражен и простужен... Супруга поставит на стол тарелку борща или рассольника; порежет ровно селедочку, покрошит сверху лучком; положит черного хлеба. Ну и водочки, само собой, нальет из запотевшей бутылки. Хлопнешь подряд две рюмки, закусишь и ощущаешь, как теплая нега по телу разливается, а все проблемы растворяются.

– Как вкусно вы рассказываете, – посмеиваясь, сказал Сергеев. Вспомнив о фразе шефа по телефону, сделался серьезным и спросил: – Николай Павлович, вы обмолвились о каких-то новостях в расследовании наших приключений.

– Кое-что сдвинулось в нужную сторону. Малость, конечно, но...

Сергеев молча смотрел, как шеф налил по второй. Как вилкой подцепил из магазинной литровой банки маринованный огурчик.

– Пока комиссия однозначно исключила самый отвратительный вариант развития событий – спуск станции с орбиты и затопление, – сказал он, подняв рюмку.

– Приятная новость, – согласился Александр. – Признаться, я не исключал решения избавиться от новой и очень дорогой станции.

– Предлагаю выпить за ее спасение. Раз решили сохранить «Салют-6», значит, будут разбираться до конца.

Выпили по второй. Анисимов испросил разрешения покурить и переместился к приоткрытой форточке. Сергеев давно освободился от вредной привычки и остался за столом. Его мучил один важный вопрос, но задать его шефу он все никак не решался: в палате НИИ космической медицины они «шлифовали» отчет, затем готовились к заседанию комиссии. Было не до вопросов относительно личного будущего. И вот сейчас, впервые встретившись с ним в неформальной обстановке, Александр поднял мучившую тему.

– Николай Павлович, а когда планируется следующий полет на станцию? – спросил он.

Тот глядел в темноту ноябрьского вечера, разбавленную желтым светом уличных фонарей и белым оконным бисером бесконечных жилых построек. Неторопливо затягиваясь дымком, он молчал.

– Я вчера навестил Байдукова, – напомнил Сергеев. – Врачи продержат его в ожоговом центре еще три недели. Потом потребуется месяц амбулаторного лечения для полной реабилитации. Ну а после мы смогли бы приступить к подготовке.

– Скорее всего Байдуков больше не полетит, – не оборачиваясь, сказал Анисимов.

– Почему?

– Я тоже вчера был в ожоговом центре – разговаривал с главным врачом.

– И что он сказал?

– С выздоровлением Байдукова, к сожалению, не все так просто. Seriously пострадало зрение, и оно вряд ли полностью восстановится. Огнем повреждены сухожилия запястья и ладони левой руки – понадобится как минимум одна операция. А самая большая проблема – его психологическая травма.

– Психологическая? Я дважды с ним встречался после перевода в палату и ничего такого не заметил.

– Я тоже раньше не догадывался о подобных последствиях. Главный врач рассказал. Оказывается, девяносто процентов его пациентов после выписки из ожогового центра панически боятся открытого огня и потенциально возможного пожара. Эта фобия излечима, но нужно время и кропотливая работа психологов. Так что о бортинженере Байдукове можешь забыть, по меньшей мере на несколько лет.

Сергеев почесал затылок.

– Черт... Я как-то об этом не подумал. Ну а в целом?

– Что в целом?

– Когда приблизительно состоится следующий полет к «Салюту»?

Затушив окурок в стоявшей на подоконнике пепельнице, Анисимов вновь сел за стол.

– Это еще более сложный вопрос, – поднял он рюмку. – Во-первых, ее нужно восстанавливать после пожара. Во-вторых, всех крайне настораживает загадочная аномалия: отказы систем и агрегатов при появлении вблизи «Салюта» неизвестного объекта. Да и сам объект вызывает массу вопросов. Некоторые высокие чины склонны считать его продуктом одного из секретных американских проектов. Так что, Саша, все очень серьезно. Очень! На последнем заседании комиссии председатель даже мрачно пошутил. Дескать, неплохо бы включить в следующий экипаж ясновидца или экстрасенса, способного предугадывать появление странного объекта и сопутствующие ему отказы.

На последней фразе Анисимова Сергеев почему-то замер с рюмкой в руке и, чуть прищурив глаза, устремил взгляд в угол кухни.

– Неплохая мысль, между прочим. Как думаешь? – Заместитель начальника ЦПК опрокинул в себя водку, хрустнул огурчиком и потянулся к курице. Глянув на подчиненного, спросил: – Что с тобой, Саня?

– Николай Павлович, а ведь я знаю такого человека, – задумчиво произнес тот.

– Какого?

– Ну, который может предсказывать события. Ясновидца, как вы выразились.

Ухмыльнувшись, Анисимов наклонился и негромко сказал:

– Мы в нашей стране все немного предсказатели, немного астрологи.

– В каком смысле?

– В том, что прекрасно знаем, кого на очередном Пленуме ЦК КПСС изберут Генеральным секретарем.

По достоинству оценив шутку про бессменного Леонида Ильича, Сергеев все же настаивал:

– Нет-нет, я серьезно. Вот представьте: один из дальневосточных гарнизонов; в самом большом классе учебно-летного отдела собрался весь летный состав полка. За столом у доски грозный заместитель командующего ВВС округа в чине генерал-майора, для которого засадить младшего офицера на гауптвахту – раз плюнуть.

– Представил, – кивнул Анисимов. – А что, кстати, он делал в вашем гарнизоне?

– Доводил свежую секретную информацию. Генералы частенько наведывались к нам в Воздвиженку, так как штаб ВВС Дальневосточного военного округа располагался относительно недалеко.

– Понял. И что же?

– Сидит, значит, замкомандующего, читает. Вдруг в класс врывается опоздавший Рита.

– Стоп. Кто врывается?

– Рита. Это мы так Влада звали.

– Странное прозвище.

– Несмотря на заурядную внешность (многим он напоминал азиата), у него было звучное имя – Владислав, а также редкая и красивая фамилия – Ритвицкий. И к тому же он часто любил приговаривать: «Мать моя Рита!»

– Понятно. Значит, опоздал он. И что же?..

Засмеявшись, Сергеев поднял рюмку.

– Сейчас расскажу...

* * *

– Почему опоздал, капитан?

Прикрыв за своей спиной дверь, тот переминался с ноги на ногу.

– Или тебе известен тот секретный материал, – кивнул генерал на папку с документами, – который я довожу летному составу?

Чувствуя себя виноватым, Ритвицкий молчал.

– Язык проглотил? – закипал генерал. – Все офицеры в сборе, я уже пять минут тут ввожу их в курс дела, а ты... шляешься неизвестно где!

– Извините, товарищ генерал, но я ничего не пропустил.

– Как не пропустил? – оторопело от такой наглости начальство.

– Ну, то есть пропустил, конечно... – оправдываясь, лепетал Ритвицкий, – но я совершенно точно знаю, о чем вы говорили.

Заместитель командующего пожевал нижнюю губу, вдохнул побольше воздуха, чтоб гаркнуть на весь зал нехорошее словцо и заодно объявить об аресте наглеца суток эдак на семь... Да в последний момент вдруг передумал.

– Ладно, – окинул он капитана из-под густых бровей недобрый взглядом. – Давай, поведай-ка нам, о чем говорится в последнем секретном предписании.

– Пожалуйста, – наморщил тот лоб, несколько секунд помолчал и бойко выдал: – Одиннадцатого июля сего года с двух американских баз вышла авианосная ударная группа, сформированная из кораблей 3-го и 7-го флотов. Флагманы группы – авианосец «Энтерпрайз», атомные крейсера УРО «Лонг Бич» и «Тракстан». Также в состав группы включены десантный вертолетоносец «Окинава», штабной корабль десантных сил «Блю Ридж» и четырнадцать других боевых кораблей и вспомогательных судов. После выхода АУГ взяла курс на Японское море и за прошедшие сутки приблизилась к нашим территориальным водам на четыреста восемьдесят миль.

Хлопки век удивленного генерала слышал весь личный состав полка.

– Я, наверное, слишком громко об этом рассказывал? – развея руками, предположил он.

– Не знаю. Я не слышал, – пожал капитан плечами.

– Откуда же тебе известно о предписании?

– Угадал, товарищ генерал.

Ответ не устроил. Заместитель командующего хоть и старался держать себя в рамках, но во взгляде большими русскими буквами было написано: «Эй кто-нибудь! Стрельните в идиота! Он меня утомил!..»

– Угадал, говоришь? – зловеще оскалился он. – Гляди какой догадливый! Ну угадай тогда ответ на другую задачку.

– Пожалуйста, товарищ генерал. Я готов.

– Готов он... Вот скажи, к примеру, чем я сегодня завтракал?

Владислав едва заметно повел плечом и ответил так, как круглый отличник отвечает на вопрос по давно пройденной и надоевшей теме:

– Сваренное вкрутую яйцо, кусок ржаного хлеба, два ломтика брынзы и стакан чая.

Высокое начальство проглотило вставший поперек горла ком.

– А чай был сладкий?

– Чрезмерно сладкий. Три чайных ложки на небольшую чашку. С таким количеством сахара в вашем возрасте, товарищ генерал, нужно быть поосторожнее.

Команда «Садись» прозвучала в абсолютной тишине.

Пока Рита шел на свободное место, заместитель командующего бросил вслед:

– Колдун, твою мать... Зачем ж ты в авиацию подался? Тебе надо было в контрразведку идти. Или в Министерство иностранных дел...

* * *

Наполненные рюмки стояли на столе. Анисимов с интересом дослушал историю, забыв и о водке, и о вкусной курице, приготовленной по-аджарски.

– Это правда? – недоверчиво переспросил он. – Он действительно способен на такие фокусы?

– Еще как способен! Рита вообще уникальный малый. Но своим даром угадывать и предвидеть события он пользовался крайне редко и... как бы это сказать... осторожно, что ли, по-человечески.

– То есть? – не понял Николай Павлович.

– Хотите узнать, чем закончилась его встреча с генералом?

– Валяй. Такие истории не часто услышишь.

Теперь к темному окну подошел Сергеев. Вытащив из пачки сигарету, он втянул носом кисловатый аромат табачка и прикрыл глаза, вспоминая те времена, когда с удовольствием дымил в свободные минуты.

– После окончания занятий заместитель командующего распустил летный состав полка, – сказал он, сунув сигарету обратно в пачку. – Народ высыпал на улицу: кто-то решил перекурить, кто-то сразу направился в сторону столовой – вскоре начинался обед. А Ритвицкого догнал командир эскадрильи и попросил подойти к генералу.

– Зачем? – удивился Анисимов.

– Супруга у заместителя командующего постоянно болела – лежала то в одной клинике на обследовании, то в другой. Вот он под впечатлением способностей Ритвицкого и решил у него поинтересоваться, что с ней и когда встанет на ноги. Отвел в сторонку, обрисовал ситуацию.

– И что же твой Рита?

Сергеев вздохнул.

– Влад успокоил его, сказав, что все будет хорошо.

– Как-то мрачно ты о его прогнозе, – заметил Николай Павлович.

– Владислав Ритвицкий летал тогда в моем звене; после разговора с генералом мы отправились в столовую. Идем, молчим. Смотрю, а он сам не свой – шагает и едва не плачет. Спрашиваю: «Что такое, Владик? В чем дело?!» А он: «Умрет его супруга через пять месяцев. Лейкемия у нее. Генерал с такой надеждой смотрел мне в глаза, что не смог я сказать правду. Не смог...»

– Неужели умерла? – почти шепотом спросил Анисимов.

Александр кивнул.

– Через четыре месяца и двадцать восемь дней.

– Да-а, – поднявшись, Анисимов в волнении прошелся по кухне. – Судя по твоим рассказам, у парня действительно неординарные способности. Прямо Вольф Мессинг!

– Вот и я о том же, Николай Павлович! Причем заметьте: Рита никогда не злоупотреблял своим даром и старался... не выделяться, что ли; быть как все.

– Почему же о нем не пишут газеты, не ползут по стране слухи и вообще никто не знает? Он же уникал!

– Я же говорю: стеснительный он был, не хотел лишнего раз обращать на себя внимание.

– Да как же с таким даром не обратить на себя внимание? Кстати, где он сейчас? Насколько я понял, он по специальности летчик или штурман?

– Летчик. Окончил то же летное училище, что и я, только на пару лет позже. Я ушел из гарнизона в отряд космонавтов с должности командира эскадрильи, Рита на тот момент стал командиром звена. Позже мне сообщили однополчане, будто начальство, прознав о «волшебных» способностях, перевело Ритвицкого в один из поволжских гарнизонов.

– Зачем?

– Кажется, на должность командира отдельной эскадрильи, в которой зашкаливала аварийность.

– И что же? – опять заинтересовался информацией Анисимов.

– До сих пор служит в том гарнизоне. С момента назначения ни одного летного происшествия. И ни одной предпосылки.

– Что ж, тема интересная. Крайне интересная. Надо бы обсудить этот вопрос с Береговым...

* * *

Спустя два дня пассажирский поезд Москва – Астрахань подъезжал к скромному поволжскому городку – районному центру одной из областей Средней Волги. Всю первую половину дня по окнам купейного вагона ползли дождевые капли, не радовала погода и после обеда – во время длительной стоянки Сергеев вышел на перрон и сразу ощутил дыхание осени: пронизывающий ветерок, обдающий холодом и влагой.

Высокая комиссия в Москве переключилась в своей работе на выздоравливающего Байдукова. Александр временно оказался не у дел, и Анисимов испросил для него несколько выходных, на самом деле снарядив в командировку. В устном задании значилось: отыскать бывшего сослуживца Ритвицкого, пообщаться в неформальной обстановке и осторожно выяснить, сохранил ли тот свои редкие способности.

До прибытия поезда в городок оставалось минут тридцать; Александр стоял в проходе у окна и глядел в мутную серость, вспоминая совместную службу с Ритвицким. Чаще мысли о сослуживце вызвали улыбку, но иногда лицо космонавта становилось серьезным и даже мрачным...

Вспомнилась далекая и теплая осень семидесятого года. 523-й истребительный авиационный полк Дальневосточного военного округа, в котором он служил, первым получил новейшие самолеты Су-17. Летный и технический состав прошли переучивание, сдали зачеты и приступили к практическому освоению новой техники.

Будучи на тот момент опытным командиром звена, Сергеев переучился на «сушку» в лидирующей группе инструкторов и стал «обкатывать» на спарке молодых летчиков.

В одну из летных смен ему предстоял контрольный вылет с Ритвицким. Зеленый старлей ничем не отличался от других юнцов – такой же веселый, неунывающий, любознательный:

летал охотно и довольно уверенно. А тут вдруг явился на стоянку с серым лицом и словно в воду опущенный.

Сергеев поначалу не придавал этому значения – все летчики по-разному настраивали себя на полеты. Кто-то был спокоен и сосредоточен, повторяя про себя задание. Кого-то выдавали напряженность и волнение.

На предполетном осмотре Рита довольно быстро обошел машину и почему-то надолго задержался у правой «ноги» основного шасси, присев на корточки и дотошно ощупывая гидравлику.

Закончив свою часть осмотра, Сергеев остановился возле подчиненного:

– Что ты там нашел интересного?

– Товарищ капитан, а мы не можем выполнить полет на другой «спарке»? – поинтересовался тот.

– Чем тебя эта не устраивает?

– У меня не очень хорошее предчувствие, – неуверенно пробормотал старлей.

– Во-первых, пока в нашем распоряжении всего две учебно-боевых машины; одна перед тобой, вторая находится в технико-эксплуатационной части на регламентном обслуживании. Во-вторых, что у тебя за настроение? Если есть сомнение или не готов к полету, – объясни причину. Если она уважительная, то я попытаюсь уладить эту проблему, перенеся полет на следующую летную смену.

Ритвицкий поднялся.

– Да я-то готов. А вот машина...

– Что машина?

Переминаясь с ноги на ногу, подчиненный медлил с ответом.

Сергеев решил покончить с непонятными намеками и недосказанностью:

– Если готов, – занимай место в кабине и не морочь мне голову. А с техникой разберется инженерно-технический состав.

Вздыхнув, молодой летчик подошел к левому борту, поднялся по лесенке, перемахнул через борт и, плюхнувшись в кресло, принялся застегивать лямки подвесной системы парашюта...

Затем последовал запуск, путешествие по замысловатым рулежкам, чтение карты на исполнительном старте. Наконец, взлет, уборка шасси, отворот на нужный курс...

Тридцатиминутный полет в пилотажную зону прошел без сучка и задоринки. Ритвицкий крутил бочки, виражи, горки и боевые развороты, Сергеев скучал в задней инструкторской кабине и лениво посматривал то по сторонам, то на приборы. Делать откровенно было нечего – обучаемый летчик пилотировал уверенно, грамотно вел радиообмен с руководителем.

Закончив полетное задание, самолет взял курс на базу. Ритвицкий запросил снижение, вход к четвертому развороту и посадку с ходу. РП дал добро.

Заняв пятьсот метров, обучаемый пилот, согласно инструкции экипажу, погасил скорость, изменил стреловидность крыльев, выпустил закрылки. И вдруг зачем-то спросил по переговорному устройству:

– Ну что, командир, попробуем выпустить?

Тот на мгновение растерялся. Потом, усмехнувшись, съязвил:

– А что, есть другие варианты?

Молодой летчик перевел рычаг управления шасси в положение «выпуск». Однако на небольшом прямоугольном табло вместо трех зеленых ламп загорелось лишь две: средняя (переднее шасси) и левая.

Сергеев аж не поверил своим глазам. «Что за хрень?! Неужели на самом деле?..»

Из задней инструкторской кабины выпущенных колес он не видел – обзор закрывали передние кромки крыльев.

– Ну-ка погляди со своего места, – попросил Сергеев.

Ритвицкий уткнулся лбом защитного шлема в правую часть фонаря.

И доложил:

– Правое не вышло.

– Этого нам еще не хватало. Взял управление...

Тридцать минут им пришлось кружить над аэродромом, вырабатывая остаток топлива, а заодно гоняя рычаг уборки шасси то вверх, то вниз. Правая «нога» не реагировала, зеленая лампа на табло упорно не загоралась.

– Надо приложить его, командир, – подал голос молчавший Ритвицкий.

– Кого? И обо что?

– Об полосу. Левой «ногой». Тогда выйдет правая.

– Может быть. Но только без тебя, – ответил Сергеев и доложил руководителю свое решение: – «Свая», я – «Семьсот десятый», уйду в зону покидания. Далее выполню заход на грунт.

– Понял вас, «Семьсот десятый». Выполняйте...

Спустя десять минут самолет вернулся из ближайшей зоны, где старший лейтенант Ритвицкий успешно катапультировался из передней кабины.

Сергеев снова попытался штатно выпустить шасси, но, как и в предыдущих попытках, вышли только левая и передняя. Далее он прошел на небольшой скорости над взлетно-посадочной полосой.

– «Семьсот десятый», я – «Свая», правое шасси не вышло, – проинформировал пилота РП. – Что у вас по остатку?

– Топлива на последний заход. Готовлюсь к посадке.

– Понял вас. Заход на посадку разрешил...

На рулежных дорожках уже поджидали готовые сорваться с места специальные машины: пожарные, медицинские, тягачи. Летный и технический состав полка высыпал на площадку у КДП и с тревогой следил за полетом аварийной «сушки».

Сергеев выполнил круг, сбросил скорость до минимальной и прицелился в самое начало ровного грунта справа от бетонной ВПП.

Плавно снижаясь, машина подходила к расчетной точке. В последний момент Сергеев все-таки решил последовать совету Ритвицкого и выровнял самолет с небольшим запозданием.

Как только колесо левой стойки бухнуло о поверхность земли, он поддернул ручку, заставив самолет подскочить и пролететь метров триста.

– Выходит! – послышался громкий возглас руководителя. – «Семьсот десятый», правая стойка выходит!

– Понял вас, – поддерживал машину на небольшой высоте Сергеев. И краем глаза следил за табло над рычагом уборки и выпуска шасси.

Зеленая лампочка мигнула и устойчиво загорелась, когда самолет миновал середину ВПП. Сергеев аккуратно притер его к грунту, выпустил парашют и приступил к торможению...

Через тридцать минут он сидел в кабинете командира полка и сочинял объяснительную записку, в которой поминутно расписывал возвращение из пилотажной зоны и попытки штатно выпустить правую стойку. В записке он старался изложить все, за исключением странного и необъяснимого поведения старшего лейтенанта Ритвицкого.

Тот трудился за соседним столом над той же задачей. Несколько минут назад его на командирском «уазике» доставили в штаб после благополучного приземления на парашюте в специальной зоне, что располагалась в восьми километрах к западу от аэродрома.

Командир полка в задумчивости стоял у открытого окна и дымил четвертой по счету беломориной.

– Готово, товарищ командир, – вернул его в реальность голос Сергеева.

Полковник повернулся, забрал листки с записками.

И сказал:

– Теперь поступаете в распоряжение врачей. Пройдете медосмотр – и отдыхать. Завтра утром явитесь на общее полковое построение. Форма одежды – общевойсковая повседневная...

Покинув штаб, летчики направились в гарнизонную медсанчасть. Навстречу то и дело попадались сослуживцы, поздравлявшие с удачно завершившейся эпопеей. Но едва они остались одни на асфальтированной дорожке, как Сергеев остановился и, схватив старлея за комбинезон, хорошенько встряхнул.

– Что за номера, Рита?! Может, объяснишь, откуда ты узнал про неисправность шасси?!

– Объясню, командир, – как ни в чем не бывало ответил тот. – Только у меня два условия.

– Какие еще условия?!

– Во-первых, успокойся. И во-вторых, о нашем разговоре не должен знать никто. Согласен?

– Валяй, – отпустил его командир звена.

До медсанчасти предстояло топтать на другой конец гарнизона. Оба медленно двинулись по дорожке, и Ритвицкий принялся рассказывать...

Рита проживал в офицерской гостинице, поэтому после ужина Сергеев позвал его к себе в квартиру – по давней традиции следовало отметить успешную аварийную посадку.

Сидя на шестиметровой кухне, старлей гонял вилкой по тарелке маринованный гриб и заканчивал повествование.

– Вот такие дела, Саша, – говорил он виноватым голосом, словно извиняясь за свои чудесные способности. – Я порой и сам не знаю: то ли радоваться этому дару, то ли горевать.

Если девятью часами ранее Сергеев самолично не застал бы Риту за исследованием правой стойки шасси, то, услышав данный рассказ, рассмеялся бы ему в лицо. Сейчас было не до смеха.

– Ну и что же нас с тобой ждет после расследования авиационного происшествия? – спросил он.

– Ничего особенного, – пожал плечами Владислав. – Завтра приедет комиссия во главе с начальником штаба ВВС округа. Она проработает у нас два дня, выявит дефект основного гидравлического штока и больше не появится. А через месяц – на торжественном построении, посвященном пятидесяти третьей годовщине Октябрьской революции – полк придет поздравлять командующий. После короткой речи он назовет наши фамилии. Мы с тобой выйдем из строя; он поставит нас в пример, объявит благодарность за грамотные действия и спасение дорогостоящей современной техники. А в заключение вручит каждому командирские часы с гравировкой.

* * *

«Удивительно, но именно так все и случилось, – прыгнул из вагона на бетонный перрон Сергеев. – И выводы комиссии, и приезд командующего, и его выступление на торжественном построении, – посмотрев на левое запястье, он улыбнулся, – и командирские часы с гравировкой...»

Дождь то прекращался, то снова накрапывал. Подняв воротник демисезонной куртки, Александр направился в сторону привокзальной площади. В руке он держал небольшую дорожную сумку, в нагрудном кармане лежало командировочное удостоверение сроком на трое суток.

Поезд пришел на станцию в шесть вечера. Пока Сергеев испросил местный люд, где расположен гарнизон, пока дотопал – на часах уже было семь.

Вся жизнь в летных военных городках к этому часу обычно перемещалась из штабов и аэродромных стоянок во дворы типовых пятиэтажек, в Дома офицеров, клубы или в гаражи. Ритвицкий в этом плане ничем не отличался от большинства офицеров – засиживаться в кабинетах не любил, ровно в шесть вечера приходил в летную столовую, ужинал и срывался домой.

Помня его привычки, Сергеев вошел в помещение гарнизонного КПП, предъявил документы с командировочным удостоверением и направился к ровным гаражным рядам, зажатым между тремя панельными пятиэтажками и веткой железной дороги.

Гаражи в военных гарнизонах всегда были значимым, особенным местом. Здесь не только ремонтировали любимых железных «коней», но и обсуждали проблемы вселенского масштаба, отмечали праздники, присвоение очередных званий, рождение детей, спорили и даже пели хором. Тишина тут наступала лишь на пару минут, когда в разнокалиберную посуду разливалось по пятьдесят грамм. Молча выпив, народ морщился, кряхтел, закусывал «чем бог послал» и возобновлял спор с того места, где тот прервался.

Рита был заядлым гаражником. В дальневосточном гарнизоне «Воздвиженка» у него имелся потрепанный «жигуль» третьей модели. До такой степени потрепанный, что его не жалко было ночью спалить и погреться у костерка. Свой «жигуль» он выгонял из гаража ровно в восемнадцать сорок пять. Это был своеобразный знак, говорящий о том, что его хозяин готов к приему гостей. Предварительно Рита расстилал на верстаке свежий номер газеты «Советский спорт», снимал с веревки вяленого леща, ставил на «скатерку» пяток граненых стаканов. И, открыв капот, принимался копаться в моторе...

Первые гости являлись в семь или в начале восьмого. Рита делал вид, будто снимает воздушный фильтр, сам же краем глаза следил за началом грунтовки, разделявшей два гаражных блока. Когда на горизонте появлялась чья-то фигура, Ритвицкий прекращал слежку и с головой погружался в «ремонт».

Поравнявшись с «жигулем», гость притормаживал и здоровался с такой радостью в голосе, будто не видел Риту долгих восемнадцать лет. При этом кивал на торчащую из своего кармана бутылку и произносил дежурную фразу: «Я тут прикупил на всякий случай. Стаканов не найдется?..»

Рита тяжело вздыхал, всем видом показывая, что вынужден оторваться от важной работы, вытирал ветошью руки и кивал в сторону гостеприимно распахнутых ворот: «Где-то там... на верстаке».

Гость нырял в гаражный полумрак, на ходу открывая бутылку. Хозяин гаража нехотя присоединялся; звонко брякнув стаканами, выпивали по первой. Не закусывая, тут же наливали по второй, опрокидывали. Протяжно выдохнув воздух, шарили по карманам в поисках сигарет. А уж после принимались за серебристого леща.

Через час в гараже Ритвицкого весело отдыхало человек десять-двенадцать. Это были летчики, штурманы, инженеры, техники. Разделения по цвету кожи, вероисповеданию, национальности и профессии здесь никогда не практиковалось. Иной раз к компании прибывались военные врачи, метеорологи и даже местные аборигены. Все они неплохо знали друг друга, до мозга костей уважали авиацию и как минимум пару раз в год бывали в гараже у Риты.

* * *

Направляясь в сторону местных гаражей, Сергеев с улыбкой на лице вспоминал, как его провожали из дальневосточного гарнизона. Сначала командир полка вывел из строя на общем построении, торжественно объявил о зачислении майора Сергеева в отряд космонавтов, пожелал удачи и крепко пожал руку. А вечером у открытых гаражных ворот Ритвицкого собралась небывалая толпа – человек тридцать или сорок. Вообще-то столь масштабные гулянки обычно устраивались на берегу горной речки, протекавшей под ближайшими к гарнизону сопками. Но

в этот раз все получилось неожиданно, спонтанно и само собой. Между гаражами было шумно. Звучали тосты за будущего космонавта, звенела посуда, водка текла рекой.

– Молодость, отменное здоровье, беззаботность, вся жизнь впереди за горизонтом. Эх... – вздохнул Сергеев, повернув за угол крайнего бокса. – Веселое было время.

Оказавшись на грунтовке, он невольно замедлил шаг. По странному совпадению размокшая после дождя дорога разделяла два гаражных блока точно так же, как и в дальневосточном гарнизоне. И точно так же примерно посередине левого ряда были открыты створки ворот одного из боксов. Перед ними стоял автомобиль – белая «Волга» ГАЗ-24 с поднятым капотом двигателя.

– Я буду сильно удивлен, если в этом гараже окажется не Ритвицкий, а кто-то другой, – пробормотал Александр.

Обходя лужи, он медленно приближался к цели. Предвкушая встречу с давним товарищем и однополчанином, он волновался, сердце стучало все сильнее. Хотя полной уверенности в том, что увидит его прямо сейчас, не было.

Внезапно в голову пришла хорошая мысль. «А что, если сразу устроить Владу проверку? – подумал он, подходя к распахнутой металлической створке. – Пожалуй, так и сделаю. Лишь бы внутри оказался именно он...»

Тронув ладонью холодный металл, Сергеев осторожно заглянул в гараж.

Над боковым верстаком склонился мужчина в старом летном комбинезоне и обрабатывал напильником зажатую в тисках металлическую деталь.

«Он или не он? – на миг усомнился Сергеев. – «Советского спорта» на верстаке нет, стаканов и леща – тоже...»

Сделав шаг, он осторожно постучал по створке.

Мужчина замер, положил напильник на верстак, медленно обернулся.

И тихо произнес:

– Мать моя Рита! Я знал, что все хорошие дела начинаются в дождь.

Сергеев достал из сумки купленный в Москве коньяк.

– Я тут прикупил на всякий случай. Стаканов не найдется?

– Сашка! – кинулся к нему Ритвицкий. – Как же я рад тебя видеть! Сашка!!

«Вот и проверил, – подумал, обнимая друга, Александр. – Неужели он лишился своих уникальных способностей? Ведь если бы он их сохранил, то знал бы о моем появлении. И ждал бы. Но на его лице царит полная растерянность. Он даже не сразу меня узнал...»

* * *

Рита вырос в сонном и тихом районном городке Южного Урала.

Как и большинство коренных уральцев, он был скуласт, лобаст, широкоплеч, невысок ростом. В темном переулке его запросто можно было принять за уйгура или пешего монгольского воина эпохи империи Тамерлана.

Характерный говорок и провинциальное воспитание тем не менее не мешали ему в мгновение ока становиться душой компании и центром «вселенной», ибо человеческие качества и профессионализм в военной авиации всегда ценились превыше всего остального. Весомым бонусом шли острый язычок без хрящевых тканей и великолепная память, в анналах которой хранились тысячи анекдотов и незаурядных историй.

Про свою малую родину Влад Ритвицкий любил говаривать словами известного классика: «Родятся коренные уральцы на местных литейных заводах; при их рождении присутствует не акушер, а механик с кувалдой».

* * *

– Эх, мать моя Рита... Нет, ты все-таки молоток! Это ж надо, кем стал, а?! Космонавтом! На орбитальной станции был! Скоро, наверное, Звезду Героя вручат?

– Да какую Звезду?! За что?! И вообще... довольно обо мне, – отмахнулся Сергеев. Только что он коротко рассказал товарищу о своих «успехах» на орбите и больше не желал возвращаться к надоевшей теме. – Слетал один разок к станции и то неудачно. Так что... лучше ты что-нибудь расскажи. К примеру, о наших сослуживцах-дальневосточниках. Видел кого-нибудь?

Рита как-то сразу потемнел лицом, опустил взгляд.

– Доходят разные слухи. Но лучше б не доходили.

– Чего так? В чем дело?

– Бивень спился, Валерка Золотухин погиб в катастрофе при перегонке борта, Саня Дроздов умер, Кольку Трёкина помнишь?

– Это такой белокурый весельчак родом из Сызрани?

– Ну да. Хороший парень: добрый, улыбчивый. Попивал, правда, но человеком был замечательным – со светлой душой.

– Конечно помню! А что с ним?

– Разбился на мотоцикле. Влад Кудряшов отмучился – цирроз, Борька Маслов уволился, нашел за рубежом родственников и навсегда умотал из страны...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.